

Наше интернет-поколение

Человек в пространстве электронных сетевых коммуникаций

Анатолий ЛАЗАРЕВИЧ,
директор Института
философии НАН Беларуси,
кандидат философских
наук, доцент

В изменения уклада общественной жизни, экономики и культуры, происходящие под воздействием так называемой информационно-компьютерной революции, сегодня масштабно включается Республика Беларусь. На страницах научной и популярной литературы много говорится о постиндустриальной стратегии развития современной цивилизации, о становлении информационного общества, о модернизации в духе императивов социума, основанного на знании. Набирает популярность понятие «сетевое общество» и соответствующее ему «сетевая экономика». Вместе с тем в обсуждении горизонтов информационной цивилизации все еще слишком редко говорится о человеке: его статусе, новой техногенной среде обитания, эволюции познавательных способностей, эмоционально-ценностной сферы, сознания в целом.

На наш взгляд, обсуждение ключевых проблем становления информационного общества должно соответствовать четкому критерию человекомерности, на такой основе может быть выработан новый формат взаимодействия гуманитарных, естественно-научных и технических дисциплин. Его практическая цель – это лучшая адаптация человека к жизнедеятельности в условиях строящегося информационного общества, а одна из основных задач – выработка принципов стратегического планирования и управления сетевой комму-

никационной средой с учетом специфики социально-экономического развития различных стран и, в частности, Беларуси.

Говоря об особенностях современной техногенной среды обитания, будем опираться на понятие о пространстве электронных сетевых коммуникаций (ЭСК). Основу его составляет множество информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), базирующихся на топологии сети (включая технологии мобильной электросвязи, «социальных сетей» и многопользовательских компьютерных игр, интерактивные телекоммуникационные технологии, а также Интернет как таковой). Многие из этих технологий имеют конвергентный характер. Они принадлежат не только сфере математики, информатики, радиоэлектроники, но и затрагивают область социальных технологий, сферу информационно-идеологического воздействия на сознание и мотивационную сферу человека. Таковы, например, технологии социальных сетей.

Важно учитывать, что взаимодействие социального и технологического начала в культуре современного общества – это двухсторонний процесс. С одной стороны, необходимо понимание пространства ЭСК как *антропологического фактора* – факто-

ОБ АВТОРЕ

ЛАЗАРЕВИЧ Анатолий Аркадьевич.

Родился в 1958 году в Сенненском районе Витебской области.

Окончил физико-математический факультет Витебского государственного педагогического института (1980), аспирантуру Института философии и права Академии наук БССР (1988).

С 1988 по 1997 год работал младшим научным сотрудником, научным сотрудником, старшим научным сотрудником, ученым секретарем Института философии и права, с 1997 года – заместителем директора по научной работе Института философии НАН Беларуси.

С 2009 года – директор Института философии Национальной академии наук Беларуси.

Кандидат философских наук (1988), доцент (2001).

Автор более 200 научных работ.

Сфера научных интересов: эпистемология, современные проблемы техногенной цивилизации, философия постиндустриального и информационного общества.

ра эволюции человека и человечества. С другой стороны, имеет место не просто освоение, внедрение, но и в целом *социализация* информационно-коммуникационных технологий – процесс, охватывающий как изменения технологий в соответствии с социокультурными условиями, так и жизненного мира человека в соответствии с типичными форматами пользования ЭСК.

Критерии человечности

Расширяя физические и интеллектуальные возможности человека, позволяя ему преодолевать многие естественные ограничения, ИКТ делают его жизнь содержательнее и богаче. Вместе с тем анализ противоречий сетевого общества показывает, что трансформация когнитивной и психоэмоциональной сферы человека, вовлеченного в деятельность в пространстве ЭСК, актуализирует целый ряд проблем. Фактически на повестку дня поставлен вопрос об обосновании набора критических параметров «человечности», показателей развития человеческого потенциала, необходимых для контроля научно-технологического развития, экспертизы новых технологий и выявления путей лучшей социализации и гуманизации технологий уже существующих.

Совокупность таких показателей должна отвечать ряду требований. Во-первых, они не могут носить выраженный регрессивный характер и определять человека «вопреки» реально состоявшейся технологической революции, а также не должны отрицать целесообразность дальнейших разработок, затрагивающих сферу телесности и психики человека. Во-вторых, они призваны артикулировать перспективу развития психокогнитивного потенциала, образованности, профессиональных и культурных компетенций человека в соответствии с известной формулой Конрада Лоренца о том, что современное человечество – это промежуточный этап между животным и человеком [1]. В-третьих, должен быть акцентирован вопрос о природе человеческого сознания и его месте в структуре физического мира, а соответственно, о том, каковы реальные возможности сознания по отражению действительности, обладает ли сознание подлинной «свободой выбора» и спонтанностью либо максимально детерминировано на нейробиологическом уровне.

В-четвертых, разработка этих показателей призвана выступить предпосылкой теоретического комплекса «экологии человеческого сознания», который объединил бы актуальные наработки в области анализа и прогнозирования динамики сознания в условиях экспансии сетевой коммуникационной среды со стороны философии, социологии, психологии и когнитивных наук, а также физиологии, этологии, эргономики, теории дизайна и других дисциплин.

Список перечисленных требований задает контуры *фундаментальной антропологической проблемы информационного общества*, которая может быть представлена через ряд вопросов, нуждающихся во всесторонней междисциплинарной проработке.

На первом месте среди них – *вопрос о соотношении человеческого интеллекта с машинным*. Одной из задач социализации высоких, прежде всего информационных, технологий является выяснение границы между естественным и «искусственным» сознанием. Эта задача приобретает большую актуальность в силу того, что человек, «осваивая» в своем жизненном пространстве объекты второй природы, сознательно наделяет их свойствами живых и даже разумных существ (многие люди в бытовых ситуациях «разговаривают» с предметами, «обращаются» к ним). При взаимодействии с высокотехнологичными предметами, обладающими интерактивными свойствами – способностью гибко «реагировать» на человека – психологическая грань

между естественным и искусственным началом интеллекта стирается в еще большей степени, вплоть до возникновения особого рефлексивного парадокса. Философ С. Жижек описывает этот парадокс как «эффект томагочи»: когда мы держим в руках эту некогда популярную электронную игрушку, по ту сторону экрана для нас – виртуальное, но живое существо. Но нельзя ли поставить вопрос так, что и по «эту» сторону экрана – не живое «я», а лишь репрезентация запущенного на исполнение генетического, нейронного кода? [2].

Данную проблему можно сформулировать и еще более радикально: нельзя ли предположить, что само по себе человеческое «я», свойственное ему сознание, сомнения, критичность – это не более чем частный случай универсального отношения или даже «сбой» в системе отношений, дисфункция алгоритма общественной жизни? В ряде направлений современной социально-гуманитарной мысли, прежде всего в постмарксистской и структуралистской традиции, наблюдается тенденция рассматривать общественное бытие в рамках аналогии с запущенной на исполнение вычислительной программой. Так, например, французский социолог Ален Турен фактически отождествляет концепты постиндустриального общества – общества, основанного на знаниях, с понятием «программируемое общество», поскольку последнее является не столько результатом естественно-исторического развития, сколько итогом субъективных решений, политик и мероприятий [3].

В этом контексте по-новому звучит вопрос, которым задавался еще французский философ-рационалист XVI века Рене Декарт: каковы мои основания полагать, что, глядя в окно, я вижу перед собой людей, а не искусные механизмы, обернутые в плащи и шляпы, приводимые в движение пружинами? На протяжении столетий в качестве такого критерия рассматривалось как таковое мышление, а также адаптивность и рефлексивность человеческого сознания. Однако современные разработки в области искусственного интеллекта диктуют необходимость нового, принципиально иного критерия человечности, который еще предстоит отыскать.

Второй компонент антропологической проблемы информационного общества свя-

зан с *вопросом о соотношении материального и нематериального, телесного и «духовного» начала в самом человеке*. В условиях стремительного развития техносферы, которое по ряду признаков опережает эволюцию адаптивных способностей человека, остро встает проблема человеческой телесности как таковой. Чем больший акцент делается на работу сознания как на главный фактор приспособляемости, выживания, жизненного успеха, тем острее встает вопрос о том, насколько вообще человеческий организм, его возможности и ограничения значимы для полноценной социальной жизни.

По мере того как традиционные аспекты жизнедеятельности человека отходят на второй план, все более заметной становится шокирующая, на первый взгляд, гипотеза: «подлинный» человек – это совокупность когнитивно-эмоциональных характеристик его сознания, своего рода «*софтверная*» личность (от англ. software – «программное обеспечение», как противоположность термину hardware – «техника, аппаратное обеспечение»), способная поддерживать свою идентичность независимо от состояния телесности.

Возможность изменения телесности человека средствами ИКТ порождает значительные нравственные проблемы. Даже если оставить в стороне вопрос о допустимости «искусственно сконструированного человека», что вступает в резкое противоречие с религиозными убеждениями и традиционной моралью, то очевидно, что человек с инженерно усиленной памятью, развитыми психокогнитивными способностями, прямо синхронизирующий работу сознания с ресурсами электронно-коммуникационных устройств, будет иметь значительные преимущества на рынке труда, становясь источником новых форм социального неравенства.

Третий компонент проблемы связан с *вопросом о соотношении реального и виртуального в эмоционально-когнитивном опыте человека в условиях прогресса технологий «дополненная реальность»*. Понятие «дополненной реальности» (англ. augmented reality) охватывает технические средства, подключаемые напрямую к каналам восприятия сенсорных данных в обход традиционного антуража взаимодействия человека с машиной (примером являются очки «Google Glass» и другие аналогичные

разработки, которые способны проецировать в поле зрения человека почерпнутую из сети Интернет информацию об объектах реального мира, тем самым смешивая в единое восприятие элементы «базовой» и «виртуальной реальности»). Технически это означает близкую возможность подмены объектов первой реальности образами второй в повседневном опыте помимо контроля сознания человека. Такая подмена ставит проблему критериев «подлинности» тех или иных переживаний, как и того, существуют ли такие критерии вообще.

Глубина проникновения виртуальности в человеческую жизнь позволяет говорить о системной виртуализации социально-культурного пространства. Ее атрибутом является, во-первых, высокая степень анонимности информационно-коммуникационной среды, что затрудняет регуляцию и контроль со стороны традиционных социальных институтов. Во-вторых, возможность легкой смены социальных ролей и построения множественного «я», что вызывает утрату определенности и устойчивости личности в социокультурной реальности.

Четвертый компонент связан с выяснением *соотношения между аутентичным и отчужденным бытием человека*, его собственными интересами и устремлениями и тем, что относится к области социально ожидаемого. Американский философ и футуролог Элвин Тоффлер в своей известной работе «Третья волна» [4] предсказывает, что в информационном обществе будет складываться новый стиль социального поведения, чуждый рационализации, централизации и синхронизации. Этот вывод лишь на первый взгляд диссонирует с названной выше идеей «программируемого общества». В действительности программируются не индивидуальные, поименованные действия, а своего рода «функциональные места», которые могут быть более или менее произвольно (и даже ситуативно) заняты различными индивидами.

Пользователи пространства ЭСК

В современной литературе все более настойчиво проводится мысль о том, что множество людей, активно участвующих в динамике пространства электронных сетевых коммуникаций, обладает рядом ха-

рактерных черт, формирующих своего рода новый тип личности – информационно-адаптированную личность, или Homo informaticus. Одним из нетрадиционных атрибутов «человека информационного» является так называемое клиповое мышление. Данный термин обычно рассматривается в контексте более широкого понятия «клиповой культуры», которое отражает высокую степень фрагментирования информации, циркулирующей по каналам медиа, сугубо поверхностную связь между отдельными элементами, их сочетание по принципу формальной смежности («информация-дайджест»).

«Клиповое мышление» – это особый способ организации когнитивно-эмоциональной сферы человека, связанный с разделением тематического поля сознания на лаконичные замкнутые фрагменты, «картинки», предполагающий полный или частичный отказ от последовательных логических умозаключений. Результатом работы сознания в таком режиме становится мозаичная, бриколажная, отчасти игровая картина мира, структура и содержание которой не продиктованы одним общим принципом и сочетают несочетаемые, не вытекающие друг из друга убеждения, мотивы, ценности.

На фоне распространения «клипового мышления» растет тенденция к преимущественному отбору и усвоению визуальных (а также визуально-звуковых, мультимедийных) данных как более легких для понимания. Симптомом этого процесса мышления становится повсеместная тяга к визуализации информации в форме графиков, диаграмм, схем. Невизуализированная информация все чаще не принимается во внимание или даже вызывает отторжение. Как следствие, в современной деловой практике практически все публичные выступления, сообщения, доклады сопровождаются графической презентацией, даже если содержание графики дублирует произносимый текст.

Вместе с тем, рассматривая феномен клиповой культуры, следует избегать однозначно негативной его оценки. Положительные аспекты клипового мышления находят отражение в формирующейся способности к восприятию обширных массивов информации, выполнению параллельных не связанных между собой задач, а также в высокой

степени эмоциональной лабильности, которая улучшает адаптивные свойства психики человека. По мнению психолога Ларри Розена [5], дети интернет-поколения одновременно могут слушать музыку, общаться в чате, бродить по Сети, редактировать фотографии, делая при этом уроки. Но, разумеется, платой за многозадачность становятся рассеянность, гиперактивность, дефицит внимания и предпочтение визуальных символов логике и углублению в текст.

Данные тестирования познавательных способностей взрослых людей, длительное время являющихся пользователями сети Интернет [6], демонстрируют, что систематическое включение интернет-коммуникации в канву повседневной и профессиональной деятельности стимулирует рост аналитических способностей, повышает эффективность поисково-ориентационного поведения в информационном поле, что обусловлено необходимостью обрабатывать большой объем недостаточно структурированной информации. Наряду с развитием структуры мнемических способностей и повышением их продуктивности, отмечается снижение зрительной памяти. Наблюдается развитие операционной стороны памяти, с одновременным уменьшением ее эффективности.

Результаты, полученные в ходе исследования психоэмоциональной сферы активных пользователей пространства ЭСК, показывают, что их представление о «Я-реальном» является адекватным, в то время как представление о «Я-идеальном» нереалистично и не дифференцировано. Такая нечувствительность к собственным особенностям может послужить причиной возникновения завышенных требований к себе и окружающим. Наблюдается разрыв между «Я-реальным» и «Я-идеальным», что, безусловно, оказывает негативное влияние на регулируемую функцию самооценки. Выявлено, что активное использование возможностей ЭСК способствует развитию у пользователя таких параметров картины мира, как наивный оптимизм и категоричность суждений; низкая валидность ответов и их высокая социальная желательность; произвольность и опосредствованность поведения и эмоциональных реакций.

Еще одной значимой чертой информационно-адаптированной личности является ее высокая *аддиктивность*. Тесная интеграция в пространство ЭСК дает мощ-

ную эмоциональную подпитку таким чертам личности, как азарт, любопытство, социальные амбиции, позволяя сравнительно легко удовлетворить их, что способствует ускоренному формированию устойчивых форм зависимости – от общения, одобрения другими, игровой самопрезентации. Эти формы пристрастия и зависимости нельзя назвать абсолютно новыми: они резонируют с теми чертами, которые психика людей демонстрирует на протяжении тысячелетий истории. Можно провести определенную параллель между интернет-зависимостью и, например, пристрастием к азартным играм или религиозным фанатизмом. Вместе с тем новые формы зависимости по-особому опасны, поскольку социум еще не успел выработать адекватные средства противодействия им. Работа по воплощению стратегий социальной реабилитации людей, существенно пострадавших от игровой и/или коммуникативной зависимости, находится еще в самом начале.

Парадоксальная среда

Концептуализация статуса «человека информационного» характеризуется рядом парадоксов, которые, с одной стороны, актуализируются на уровне личностного самосознания и вызывают трудности адаптации, с другой – усложняют экспертную оценку состояния и перспектив развития пространства ЭСК и информационно-сетевого общества в целом.

Следует назвать, во-первых, *парадокс значимости (авторитетности)*. Формат пространства ЭСК и, в частности, таких его составляющих, как социальные сети, форумы и блоги, предоставляет каждому участнику возможность быть услышанным неограниченно большим количеством людей, т.е. фактически превращает любую личностную самопрезентацию в средство массового информирования.

С одной стороны, результатом становится резкое повышение хаотичности, энтропийности информационного пространства, снижение его социально-организационного потенциала. Это связано с тем, что в условиях обезличенной коммуникации мнение глубоко мыслящих, авторитетных людей фактически имеет такую же убедительную силу, что и мнение людей малообразованных, неопытных, попросту детей и под-

ростков. Влиятельность мнения по ряду параметров определяется не его глубиной, а интенсивностью его продвижения. Этот феномен можно понимать и анализировать в парадигме символического капитала и «символического насилия» (навязывания базовых понятий обсуждения, интерпретаций, ценностных иерархий), характерной для социологии П. Бурдьё [7].

С другой стороны, чем выше информационная энтропия пространства ЭСК, тем более незначительный суггестивный статус имеет любое циркулирующее в нем мнение, сколь бы активно оно ни «продвигалось». Говоря простыми словами, в содержательном плане пространство ЭСК все больше заполняется мнениями людей, которые не имеют веса и, по большому счету, мало кого интересуют, несмотря на все затраты интеллектуальной и эмоциональной энергии на их выражение.

С «парадоксом значимости» связана дискуссия по поводу подлинного общественно-политического веса сетевых сообществ. Широко распространено убеждение, что многие социально-политические потрясения в мире последних лет («цветные революции» на постсоветском пространстве, события «арабской весны» в Египте, Ливии, Тунисе, Сирии) были инспирированы или, по крайней мере, стимулированы сетевой активностью политических агентов. Получил концептуализацию феномен «умной толпы» («смартмоба») как формы самоструктурирующейся социальной общности сетевого типа, организованной посредством ЭСК и призванной быть инструментом прямого политического действия. Возник и набрал популярность концепт «сетевой революции». Это, в свою очередь, вызывает настороженное отношение со стороны правительств ряда стран к социальным сетям как своего рода угрозе национальной безопасности. Вместе с тем политическое значение электронных сетевых коммуникаций на данный момент полностью не изучено, а его переоценка чревата непродуманными, несимметричными мерами по регуляции пространства ЭСК, которые сами по себе могут сделать его развитие более бесконтрольным, непредсказуемым. Как отмечают некоторые исследователи, история человечества знает сотни гражданских войн, переворотов и путчей, которые начались в куда более примитивных техно-

гических условиях, без всяких социальных сетей, и, строго говоря, нет никаких оснований утверждать, что картина политической жизни сейчас существенно изменилась [8]. Несмотря на то, что более интенсивные коммуникации, более доступные средства пропаганды могут выступить стимулом социальной дестабилизации, в любом гражданском противостоянии следует видеть прежде всего социально-исторические, экономические причины.

Во-вторых, *парадокс простоты (дружелюбности)*. Принято считать, что вектором развития пространства ЭСК является движение от технологически независимых к человекозависимым формам взаимодействия между пользователями и техническими устройствами, реформирование интерфейсов и дизайна от обеспечивающих сравнительно большую простоту и логичность функционирования системы («удобство инженера») к обеспечивающим интуитивную доступность управления человеком («удобство пользователя»). Высказываются опасения, что информационно-коммуникационное пространство, стремясь стать как можно более дружелюбным, фактически при этом становится ювенильным (т.е. «подростко-

вым», наивно-категоричним), не ставить перед користувачем складних питань і не сприяє зростанню його адаптивно-орієнтаційних компетенцій.

Ювенільність, «незрілість» мережних комунікацій проявляється в ряду характерних ознак: емоційна напруженість висловлювань в відкритих дискусіях, спорах, категоричність і радикалізм суджень («згущення красок»), впевненість в безумовній власній правоті і довірливість до чужого мнінню і др. Характерно, що дана стилістика охоплює не тільки користувачів дитячо-юнацького віку, а поступово починає претендувати на роль «загального стилю» електронних комунікацій, впливаючи і на інші її семиотичні параметри (такі, як «піджинізація» мови, т.є. змішування в мові слів, виражень і граматичних норм різних мов, використання загальної і навмисно спотвореної лексики, особа фразировка і др.).

В-третьєх, *парадокс зверненої соціалізації*. Введення людини в простір електронних мережних комунікацій на повсякденній основі супроводжується перебудовою свідомості і поведінки, схожою з процесами освоєння соціальних якостей, такими як первинна і вторинна соціалізація. В соціальному знанні прийнято, що первинна соціалізація здійснюється на етапі зрілості людини, пов'язана з освітою і вихованням в первинній соціальній середі, агентами якої є родина, сусідська громада, шкільні вчителі і т. п. Вторинна соціалізація пов'язана зі зміною людини соціального положення, включенням в систему відносин, що вимагає розвитку базових соціальних установок (отримання професії, зміна роду діяльності, перехід в іншу соціальну групу через освіту, шлюб і т.п.). З цієї точки зору введення в простір ЕСК, яке зазвичай відбувається, коли у людини вже сформувалися базові навички спілкування і соціального поведінки, може бути розглянуто як феномен вторинної соціалізації. Однак в сучасному суспільстві, де високотехнологічні товари доступні великій кількості родин, навички мережної комунікації освоюються паралельно з навичками поведінки в

«реальному» світі і фактично вплітаються в процес первинної соціалізації. Крім цього, в зростаючій кількості випадків (ситуація трудової зайнятості в індустрії ЕСК або в сфері, широко експлуатуючій ці технології, а також у людей з ознаками «мережної» або «ігрової» залежності) соціальні якості і досягнення людини в віртуальній середі стають для нього більш значимими, ніж досягнення і якості в «реальному» світі. Виникає феномен зверненої соціалізації, коли початкова (внесетевая) соціалізація втрачає значимість, а ізначально вторинна (мережова), навпаки, набуває конститутивний статус. Не поскільки при цьому суб'єкт продовжує функціонувати і в невіртуальній середі, то його зв'язки і відносини в ній переглядаються в відповідності з новими набутими навичками мережної середі. Там самим має місце свого роду «третинна» соціалізація на базі вторинної, яка представляє собою і повернення «по спіралі» до первинної соціалізації, і її ревізії.

Таким чином, в контексті зверненої соціалізації первинна і вторинна соціалізація фактично міняються місцями, і більш того: первинним обличчям людини стає його «мережове» обличчя, первинними референтними зв'язками – контакти в віртуальному світі (в т.ч. так звані «соціальні кола» [9, с. 127–147]), а обличчя і статус в реальному світі стає похідним.

В-четвертьх, *парадокс анонімності*, близько примикаючий до попереднього. Привабливість простору ЕСК традиційно пов'язують з можливістю вибудувати в ньому альтернативну ідентичність (ім'я, зовнішній вигляд, звички, погляди і т.п.), не пов'язану з ідентичністю в реальному світі і тим самим допомагають здійснювати анонімні соціальні дії. Нерідко цим стимулюються дії деструктивного характеру, типовим прикладом яких є так зване *тролінг* – патологічна комунікація, спрямована на провокування мережних конфліктів, ображення інших користувачів. Давлення цього фактора зростає по мірі того, як посилюється ювенільний характер мережного спілкування.

Вради з тим стираються межі між реальним і віртуальним простором, як

и обращение социализации, способствуют деанонимизации человека через его виртуальную идентичность. Облик, принятый пользователем в сети, становится более значимым, чем облик во вневиртуальном пространстве. Широко распространяется феномен сконструированной виртуальной идентичности – социально активно в пространстве электронных сетевых коммуникаций «персонажа», которому не соответствует вообще никакой реальный пользователь. Более того, поведенческие черты виртуальной идентичности могут стать предметом для подражания в реальной жизненной среде. Отсюда вытекает своего рода категорический императив нравственности эпохи ЭСК: поступай так, чтобы подражание твоему поступку не поставило под угрозу жизнь и благосостояние других людей.

Наконец, *парадокс сетевой прозрачности*. Скорость обращения информации по каналам электронных сетевых коммуникаций, быстрота ее обновления порождают иллюзию того, что инструменты ЭСК (в частности, новостные сетевые ресурсы) являются наиболее достоверным источником сведений о мире. Результатом становится переоценка значимости сетевой информации, неучитывание того обстоятельства, что сеть лишь в малой степени располагает средствами рационализации и проверки циркулирующих сведений. Намного больше, чем традиционная иерархическая структура информирования, она подвержена лавинообразным эмоциональным, паническим эффектам.

Требование прозрачности информации систематически вступает в противоречие с интересами правообладателей объектов интеллектуальной собственности. Попытки урегулировать эту проблему правовым путем (через юридическое закрепление феномена «пиратства» и жесткие санкции за него) приводят к достаточно активному противодействию сетевого сообщества и способствуют разработке технически изощренных механизмов обхода защиты информации и ограничений доступа.

Едва ли не основным морально-правовым противоречием пространства электронных сетевых коммуникаций становится конфликт, где на одной стороне – четко артикулированная потребность сообщества пользователей в свободном доступе к мак-

симальному объему информации, данных, произведений человеческого разума (в целом, их доступность и привлекла в свое время интерес широких слоев общества к сетевым технологиям), а на другой – право интеллектуальной собственности и рентные интересы владельцев информации, авторов произведений.

Еще одним следствием названной проблемы является сложная дилемма интересов между максимально легким доступом к различной релевантной информации и защитой частных данных. Человек в пространстве ЭСК испытывает разнонаправленные мотивы, связанные одновременно с желанием как можно больше знать о других пользователях сети и защитить персональные данные. В традиционном и индустриальном обществе данное противоречие не было острой проблемой, так как регулировалось естественным путем – за счет сравнительно большой физической изолированности людей друг от друга и физической защиты конфиденциальных данных. Однако особый пространственно-временной статус сетевого общества заново артикулирует данную проблему, притом не как техническую, а как, прежде всего, нравственную («что я вправе знать о других людях, и какой объем личных данных я сам вправе скрывать от других»).

Данные парадоксы и возможности их адекватного решения должны, безусловно, учитываться при разработке стратегии и тактики управления пространством ЭСК. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 272 с.
2. Žižek, S. No sex, please, we're post-human! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lacan.com/nosex.htm>. – Дата доступа: 20.11.2013.
3. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. – М.: Научный мир, 1998.
4. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004. – 784 с.
5. Rosen, L. Me, MySpace, and I: Parenting the Net Generation / L. Rosen. – N.Y., 2007.
6. Черемошкина, Л.В. Влияние информационных технологий на развитие личности: особенности картины мира и когнитивной сферы носителей интернет-культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psynet.ucoz.ru/publ/1-1-0-3>. – Дата доступа: 28.02.2012.
7. Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 519–536.
8. Gladwell, M. Small change. Why the revolution will not be tweeted // The New Yorker. – Oct. 4, 2010.
9. Пипич, О. Социальные круги в исследованиях социальных сетей (толкование понятия и перспективы его применения) / О. Пипич // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2012. – № 4.